Найти пути миграции нефти

Семен Ваксман. Охранник южного входа, или Пермская обитель. — Пермь, 2014

Как говаривала одна незабвенная японская журналистка, «простите, что я прочитала Вашу книгу всего пять раз, и, конечно, всего сразу не поняла».

Возможно, вначале вам «Охранник южного входа, или Пермская обитель» не понравится. Я тоже никак не могла вчитаться. Очень уж разноголосой и разностилевой книга казалась. Да и главный герой — какие основания у него быть в центре повествования? Охранник южного входа — что это за должность такая? Что это за разговоры? Что это за язык непонятный? Где сюжет, наконец?

«Нефть на бортах погребенных барьерных рифов почти вся взята, идея великого Шершнева почти отработана. Нужна новая концепция.

— Парадигма!

— А без нее нефить не найдешь.

— Родиму нефить!

— Рвануть заряд, увидеть на ленточке вздрог — вот все, что мне нужно для начала. Где-то здесь проходит Гданьско-Соликамский линеамент, рассекает Европу, чихает на Урал, уходит на Самотлор»…

То цеха, то толевые спецкнопки, то линеамент — полноте, да это спецлитература…

«Любефь, похожая на сон, и сердце рвется из кальсон! Ария Кармен: у любви, как у пташки крыльца! У люпфи как у бдашки рильца! Сердце, тебе не хочется покоя!»

То строчки из песенок, форменное издевательство. Но все эти эмоции были ровно до того момента, как удалось уловить интонацию автора — человека, который наблюдает уже не одно свое поколение на этой Земле, а два-три предыдущих и два-три последующих.

«Весна в Москве, цветной театральный воздух! Я шел куда глаза глядят, слушал и смотрел, качался в метро, прислонясь к стеклу, опускал глаза, разглядывал туфельки, выше, выше, ах, какая ножка, какой лебединый изгиб ступни! Теперь поднять глаза — какое же лицо должно быть у этой ножки, у этого дивного изгиба ступни; смотреть, смотреть, оно уходит от тебя, это лицо, пришвинский олень-цветок, Хуа-Лу, Пай-хой, прекрасный изгиб Урала; смотреть в небо, просвеченное солнцем, видеть облачко с золотистой каемкой, подобной линии Бекке в поляризационном микроскопе, обволакивающей кварцевые зерна. Дымчатые облака медленно перетекали друг в друга, вытягивались, летели на разных уровнях в разные стороны. Хотелось думать о почтовых голубях, закрыть глаза и плыть по Самотеке, по Сретенке — дрожащей, малохольненькой, и встретиться в прощальной суматохе с забытым переулком Колокольниковым. Там внизу, на спуске со Сретенского холма, по Трубной площади когда-то текла речка Неглинка. Берег песчаный, не-

глинка. Да и сейчас она живет под землей, спрятанная под асфальт, как Черторый, Протока, Черногрязка».

Пригодилось и детское чтение «поэта камня» Ферсмана, и любовь к миру, описанному Бажовым.

Так что эксперимент был не совсем на чистом листе, время покажет, как увлекает проза Ваксмана и сколько будет далее читаться между строк.

1.

Все пласты — а автор так и воспринимает и пишет пластами — этот необычный взгляд дало ему геологическое образование. Или, наоборот, такое восприятие привело его в геологию, а потом из геологии вывело в литературу — работают в этой книге на стягивание в одно разных уровней развития поэтического восприятия.

Текст весь становится развернутой метафорой «Канцоны» Мандельштама:

Неужели я увижу завтра —
Слева сердце бьется, слава,
бейся!—
Вас, банкиры горного
ландшафта,
Вас, держатели могучих
акций гнейса?

Продолжает и уточняет предыдущие книги Семена Ваксмана: «Вся Земля», «Путеводитель по Юрятину», «Полевая книжка».

Зная огромную эрудицию Семена Ваксмана, начинаешь подозревать освоение и Джойса, и Кафки, где-то и фильм военный аукнется, и картина абстрактная перед глазами мелькнет.

Пласты — понятие не только геологическое. Не зря все на свете при внимательном рассмотрении перекликается — геологические пласты похожи на волны, а человеческие разговоры волнообразно то наплывают, то отступают — так и движется текст — приливами и отливами, словно под действием притяжения Луны.

Книга приглашает на танец, обещает совместное путешествие — тому, кто готов подставить локоток и какой возможно, но все-таки легкой походочкой пройтись по временнЫм, топографическим и антропологическим местам феномена под названием «Перемь» — по нелегким темам нашей с вами жизни. Он возникает из самого текста. Именно так называет родной город вынесенный в заглавие охранник — Степаныч. Сидит он на «ракетном» заводе и незаметно соединяет остальных героев повести «Охранник южного входа».

Как тот самый упорно вылезающий то здесь, то там в разговоре-тексте линеамент — линия, указывающая на глубинные разломы земной коры.

Разлом №1. Стелла и Миша.

Стелла — так не попермски ярко зовут продавщицу книжного магазина. Она появляется на первых страницах книги, и там же исчезает, чтобы дать рождение следующему герою — своему сыну Мише. Мы наблюдаем ее соблазнение человеком с танцующей походкой, одетым во все белое и с непривычным для пермского уха именем Ян. Ян по законам жанра исчезает, а Стелла, лишенная в тексте всяческих опознавательных знаков, умирает от разрыва сердца, успев вырастить сына. Герои меняются местами — происходит перестановка фигур в танце: теперь уже Миша ходит к прилавку книжного магазина, за которым вместо его мамы стоит «царевна Несмеяна», ждущая своего «соблазнителя». Миша, который по годам мог бы быть сыном автора, так же листает книги в магазине и флиртует, но Маша исчезает и из магазина, и из его жизни, и из книги…

Разлом №2. Коля.

Автор оказывается в больнице и там впервые встречает Степаныча и его друга Колю, «человека в камуфляже» с «пуделью Лизой» и «туманным взором». Степаныч — с 38-го года, а автор — с 36-го. Болящие всей палатой слушают радио «Маяк» — прямой репортаж из Байконура о запуске космического корабля «Марс-16». Ракета-носитель падает в Тихий океан. Друг Коля на станции Бахаревка падает на платформу, но его втаскивают в вагон электрички, и собаку его туда же, а следующей электричкой на перрон доставляется Степаныч — с сеткой пива

и ожиданием друга. Автор оказывается с Колей как-то на одной дорожке и успевает с ним поговорить — и какие бездны открываются в этом поэтическом разговоре:

« — А известно ли вам, уважаемые геологи, что в Земле нашей живут пришельцы?

— И где они там живут, пришельцы?

— Под самым океаном и живут.

— Под каким океаном?

— Под Тихим.

— И что же они там делают, под Тихим океаном?

— Они следят за нами, людьми.

— И как они за нами следят?

— Они следят за нами через телескоп.

— Какой телескоп?

— Тихий океан — это и есть ихний телескоп» (…)

Дальше там еще интереснее, но в итоге Коля тоже исчезает. В пермских *лесах*.

Разлом №3. Таня и Тамара.

Глава шестая, середина, центр всего произведения — «Слушайте, если хотите» — это чистый плач женщины о жизни — начинается как подведение итогов в юбилейный вечер, и благодарности, а заканчивается как это обычно бывает — переходит в поднимание все тех же упрятанных «пластов» несбывшегося, недопережитого, непринятого, которые кто как не геолог-сейсморазведчик, опытным взглядом может вычленить в любой ситуации.

Таня — скрытая любовь рассказчика, «прыгание губы», чувство, не подвластное времени и обстоятельствам, вновь встреченная в Москве и там же оставленная:

«И ничего-то для меня не прошло, и ничего-то не зажило, имя ее, голос ее; лекции прошли, все домой ушли, только я брожу по этажам, видно, зря песенка моя, нет ее ни здесь, ни там…»

Тамара — жена сейсмографа, она же — сестра Степаныча. То, что Таня не рассказывает, изливает слезами и словами Тамара. Боль всей жизни концентрируется у нее в непутевом, пьющем сыне, и Степаныч успокаивает ее надеждой на исцеление — «курашимской клюквой».

В последней главе первой части отправляется вся честнАя мужская компания — Степаныч, автор и Миша, а также осиротевшая после пропажи Коли «пудель Лиза» — «по клюкву» — которой, впрочем, не находят, а последние страницы текста плавно перетекают в стихи. И было бы это странно, если бы не предуведомление автора в самом начале — эпиграф из Цветаевой: *«Я никогда не поверю в прозу: ее нет (…) Да и какая может быть проза, когда мы все на вертящемся шаре, внутри которого — огонь!»*

2.

Заговорила открытая Пермь старшего поколения городской интеллигенции, ходившей в свое время по тем же улицам, что и герои Ваксмана, по тем же книжным искавшая свою мечту — и соединилась с Перемью заводской, «протоновской» — закрытой, куда проникали и проникают только через проходные, засекреченной для остального населения, рождающей — в силу закрытости — притяжение — и мифы.

Герои второй части — «Пермской обители» — другие. Певец «Трех сестер» Чехов, глобалист Тревогин, мечтавший об «империи знаний», Пастернак, осевший в Перми в виде памятника работы Елены Мунц, «парнасский брат» Пушкин, но больше всего три сестры — как одна из сторон личности рассказчика, жившего в Москве и оказавшегося в «далекой земле», Пера маа, Перми — уже знакомые читателю Ваксмана по его «Путеводителю по Юрятину».

Потом снова — центр литературной жизни — Пушкин, вечно длящаяся для поэтов дуэль. Появляется Лермонтов. Дуэль. Чехов. Переплавляет дуэли в повесть «Дуэль».

Пласты дополняются линиями. Возникает некий литературный абстракционизм. Композиция №7 противостоит композиции №6, хотя, в сущности, они — об одном и том же. Но — рисунок разный, краски разные, линии — другие.

«Цвет — это клавиш; глаз — молоточек; душа — многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу», — писал художник-абстракционист Василий Кандинский, и продолжает его в новой форме и в новых обстоятельствах Семен Ваксман:

«…там в самом конце есть мотив надежды — будто ручей выбегает из-под тающего ледника. Я внесу, выражаясь современным жаргоном, элемент шокинга. Это мы, нефтяники, виноваты в том, что происходит с промышленностью. (…) Мы даже не развивающаяся страна, мы разваливающаяся страна. Вам осталась трудная нефть и очень трудная нефть…».

Это ли не современный нефтяной «Потоп», человеческое истощение — это ли не «Апокалипсис» Кандинского? Там, где вслед за разрушением происходит творение нового.

Ольга Роленгоф